

**Медиация и диалогизация
в динамике социокультурного развития**

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

Социальный диалог как проблема и условие медиации

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются условия эффективности социального диалога как инструмента решения общественных проблем. Автор обращает внимание на то, что если в прошедшие десятилетия на социальный диалог возлагали большие надежды, то в настоящее время его эффективность снижается, хотя участники диалога реализуют основные средства убеждения оппонентов. Выделено два типа диалога: формальный и содержательный (продуктивный). Подчеркивается, что только последний в действительности приводит к изменениям во взглядах участников. На основе анализа исторических примеров и современных кейсов определены ключевые факторы, влияющие на результативность социальной коммуникации. В контексте теории речевых актов Дж.Л. Остина диалог рассматривается не просто как обмен информацией, а как форма социального действия, высказывания участников диалога перформативны, т.е. обладают силой непосредственного преобразования социальной реальности. Приведен исторический пример социального диалога между либеральной общественностью, ориентированной на западные страны, считающие Россию отсталой в экономическом и социальном аспектах, и мыслителями, не согласными с такой оценкой, которые, наоборот, видят в России духовный потенциал, позволяющий решать проблемы общеевропейского уровня. Показано, что высказывания П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского можно рассматривать как перформативные акты, формирующие новое видение роли России в мировой истории. В статье раскрыто и значение идентичности в процессе социального диалога. На фактах из жизни А.С. Пушкина и М.И. Цветаевой показано, как структура идентичности влияет на готовность и неготовность к личностной трансформации под воздействием внутреннего конфликта. Выдвинута гипотеза о том, что эффективность диалога зависит от способности участников интегрировать новые ценности в свою идентичность без разрушения ее основ. Обосновывается, что одной рито-

рической установки на медиацию недостаточно для преодоления глубоких социальных разделений, анализируются социальные условия реализации медиационных процессов (наличие общей культурной основы, существование формальных площадок для диалога, развитая правовая система, гибкость властных структур и т.д.). В заключение автором поставлен вопрос о принципиальной возможности создания эффективных механизмов социального диалога в современных условиях глобализации и информационного общества.

Ключевые слова: социальная философия, теория диалога, социальная трансформация, перформативы, перформативные высказывания, аргументы, медиация, социальность, история, Россия, модерн, реальность, идентичность.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: *Розин В.М.* Социальный диалог как проблема и условие медиации // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 65–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the efficacy of social dialogue as a mechanism for addressing societal issues. While social dialogue was once viewed with great optimism, its effectiveness has waned in recent years, despite participants employing various persuasive strategies. The study distinguishes between two forms of dialogue: formal and substantive (productive), emphasizing that only the latter genuinely catalyzes shifts in participants' perspectives. By analyzing historical examples and contemporary cases, the study identifies key factors that influence the success of social communication. Employing J.L. Austin's speech act theory, the article frames dialogue not merely as an exchange of information but as a form of social action, where the utterances of participants are performative, possessing the power to directly transform social reality. A historical case study is presented, examining the dialogue between Western-oriented Russian liberals who

viewed their nation as socially and economically backward, and thinkers who challenged this assessment, perceiving Russia's unique spiritual potential to address pan-European challenges. The statements of P.Ya. Chaadaev and F.M. Dostoevsky are analyzed as performative acts that shaped a new vision of Russia's role in world history. Additionally, the author explores the role of identity in social dialogue, showing through examples from the lives of A.S. Pushkin and M.I. Tsvetaeva how identity structures can influence one's openness or resistance to personal transformation in the face of internal conflict. The study hypothesizes that dialogue effectiveness correlates with participants' ability to integrate new values into their identity without compromising its core. Furthermore, the author argues that rhetorical commitment to mediation alone is insufficient for bridging deep social divides and examines the historical social conditions required for effective mediation, such as a shared cultural foundations, formal dialogue platforms, robust legal frameworks, and flexible power structures. In conclusion, the author considers the question of whether it is inherently possible to create effective mechanisms for social dialogue under the current conditions of globalization and information society.

Keywords: social philosophy, theory of dialogue, social transformation, performatives, performative utterances, arguments, mediation, sociality, history, Russia, modernity, reality, identity.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2024) Social Dialogue as a Problem and Prerequisite for Mediation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-65-80

В прошедшие десятилетия на социальный диалог возлагали большие надежды. Например, С. Бенхабиб пишет: «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, – нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления “нашей” идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов. <...> Ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации – это теперь наша судьба» [Бенхабиб 2003, 220, 222]. Однако в последние годы, с начала периода социальных конфликтов и войн,

политологи и социальные ученые стали сомневаться в эффективности социальных диалогов. Не исключение и автор настоящей статьи. Возникает вопрос о том, при каких условиях социальный диалог может быть действительно эффективным инструментом решения общественных проблем

Два типа социального диалога

Анализируя современные социальные взаимодействия, можно выделить два типа диалога: формальный и содержательный (продуктивный). Формальный диалог характеризуется соблюдением внешних признаков диалогического дискурса, но отсутствием реальных изменений во взглядах и позициях участников. В отличие от формального, содержательный диалог приводит к изменению взглядов участников, иногда даже кардинальному. Он предполагает готовность к пересмотру собственной позиции и возможность достижения компромисса или нового понимания проблемы.

Иллюстрацией формального диалога может служить наблюдаемая автором статьи дискуссия в Telegram-сообществе последователей Г.П. Щедровицкого, у которого автор в молодости учился. По сути, этот диалог вполне можно считать социальным, поскольку участники разделились на две группы, имеющие противоположные взгляды на происходящие в стране и мире социальные события (СВО, политику США, Китая, стран Юга и др.). Они публично высказывают свои убеждения, стараются их обосновать, склонить оппонентов к тому, чтобы изменить свои взгляды. Несмотря на общий методологический бэкграунд и апелляцию к одним и тем же текстам Щедровицкого, группы не могут прийти к согласию или изменить свои позиции. Администратор Telegram-чата, выражая свое отношение к происходящему в беседе с автором, признает, что такая ситуация не приносит ему удовольствия, но он не желает прекращать дискуссию «волевым образом». По мнению администратора, если заинтересованные лица уже погрузились в эту тему с подачи участницы, являющейся страстной защитницей СВО и российского правительства, то представители разных позиций должны научиться вести диалог, не избегая острых углов и одновременно сохраняя уровень методологической дискуссии. Администратор признался, что в некоторые моменты участники, имеющие разные мнения, были близки к этому и даже пришли к пониманию определенных норм

коммуникации. Однако периодически разговор «срывается», требуя «ручного управления». Он обращает внимание на то, что действительно защищает российскую традицию, но не считает, что она сводится к тоталитаризму. По его мнению, тоталитаризм – крайний случай, наблюдавшийся в периоды правления Ленина и Сталина, но в целом «русская модель управления» представляет собой более сложное явление. Администратор выражает мнение относительно того, что именно «авторитарные» Россия, Китай и другие страны мирового большинства через такие объединения, как БРИКС и ШОС, в настоящее время продвигают процесс формирования нового, более справедливого мирового порядка. Согласно позиции администратора, стремление разьяснять противоположные подходы, искать общие точки соприкосновения, примирять противоположные взгляды на происходящее и должно проявляться в том, чтобы уметь мирно сосуществовать и коммуницировать даже с людьми, крайне идеологически ангажированными.

Но представители другой группы именно эти убеждения администратора критикуют и отвергают, выставляя противоположные оценки происходящего. Интересен и тот факт, что обе группы, доказывая правильность своих убеждений, апеллируют к текстам Щедровицкого, часто одним и тем же, и в целом мыслят логично и убедительно. Однако не убеждают оппонентов. Участники обеих групп остаются при своем мнении. И, видимо, укрепляются в нем и, пребывая в споре, лучше понимают (но не принимают) взгляды оппонентов. Как такое может быть, учитывая, что участники сайта имеют общий образовательный и культурный бэкграунд, считают себя методологами, последователями Московского методологического кружка (ММК), созданного Щедровицким? Возникает вопрос о факторах, которые могли бы способствовать переходу от формального к содержательному диалогу.

Условия эффективного социального диалога

Анализ различных форм социального взаимодействия позволяет выделить ряд ключевых условий, необходимых для осуществления эффективного, содержательного диалога.

Первым и базовым условием продуктивного диалога являются свобода выражения мнений и наличие разнообразия взглядов среди участников. Без этого диалог теряет смысл, превращаясь в монолог или формальное согласие с доминирующей позицией.

Речь идет не только о формальной возможности высказываться, но и о готовности участников действительно слушать и рассматривать альтернативные точки зрения.

Второе значимое условие – ощущение участниками диалога принадлежности к некоей социальной, культурной или идейной общности. Эта общность может варьироваться: от семьи или рабочего коллектива до нации или даже человечества в целом. Чувство общности создает базу для взаимопонимания и мотивацию к поиску общих решений, несмотря на разногласия. В случае с методологами из Telegram-сообщества такой общностью выступает их принадлежность к школе Щедровицкого. Однако, как подтверждает практика, этой общности оказывается недостаточно для преодоления глубоких идеологических разногласий.

Третье и, возможно, наиболее сложное условие – готовность участников диалога к изменению своей идентичности. Под идентичностью в данном случае мы понимаем не только самоопределение человека, но и в целом комплекс его жизненных установок, ценностей и практик. Готовность к изменению идентичности предполагает открытость к пересмотру фундаментальных аспектов собственного мировоззрения и образа жизни. Это условие видится особенно важным в ситуациях, в которых предмет диалога связан с глубокими социальными или политическими разногласиями. Возвращаясь к примеру методологов, можно предположить, что одной из причин неэффективности их диалога служит неготовность участников к пересмотру своей идентичности. Для одной группы изменение взглядов на происходящие события может означать разрыв с государственной идеологией, что влечет за собой существенные жизненные изменения. Для другой – смена позиции может потребовать пересмотра своих этических принципов и отношения к происходящему в стране.

Эффективный социальный диалог требует не только формальных условий для обмена мнениями, но и глубокой внутренней готовности его участников к изменениям. Именно это значительно и осложняет задачу организации такого диалога в современных условиях, особенно если речь идет о вопросах, затрагивающих фундаментальные аспекты жизни общества и личности.

Перформативная природа диалога

Диалог – это не просто обмен информацией, а форма социального действия, способная оказывать влияние на участни-

ков и окружающую действительность. Британский философ Дж.Л. Остин в своей теории речевых актов выделил особый класс высказываний – перформативы [Остин 1986]. В отличие от констатирующих высказываний, которые описывают реальность, перформативы являются действиями, изменяющими социальную реальность¹. Например: «Я объявляю вас мужем и женой». Это предложение не просто описывает ситуацию, а создает новую социальную реальность.

В контексте социального диалога перформативность проявляется в том, что каждое высказывание участника – это не только выражение мнения, но и попытка воздействия на оппонента и ситуацию в целом. Участники диалога стремятся и выразить свою позицию, и изменить видение реальности у других участников, склонить их к собственной точке зрения или найти компромисс. Такое воздействие может иметь существенные последствия. В случае обсуждения острых социально-политических вопросов изменение позиции может потребовать от человека пересмотра не только взглядов, но и образа жизни, круга общения, отношений с государством и обществом.

Учитывая перформативную природу диалога, можно выделить ряд средств, которые используют участники для достижения своих целей. Среди них – вопрошание (использование вопросов для стимулирования рефлексии у оппонента), схематизация (представление информации в виде схем и моделей, что само по себе служит формой воздействия на восприятие реальности), нарративы (использование историй и примеров для иллюстрации своей позиции и эмоционального воздействия), эмоциональное давление (апелляция к чувствам и ценностям оппонента), логическая аргументация (использование рациональных доводов и фактов). Эффективность этих средств зависит от готовности участников к изменениям и социального контекста диалога.

¹ Американский профессор антропологии А. Юрчак объясняет: «Высказывания – это динамические процессы, смысл которых создается и реинтерпретируется в процессе речи, практики и ритуалов. <...> ...язык включает в себя и категорию высказываний, которые не констатируют уже существующие факты, а создают новые – т.е. не отражают существующую социальную реальность, а что-то в ней изменяют <...> опираясь на эту идею, мы будем впредь говорить о констатирующей и перформативной составляющих конвенциональных высказываний и ритуализированных актов...» [Юрчак 2022, 62, 63–64, 69–70]

Перформативную природу диалога точно передает исторический пример социального диалога между либеральной общественностью, ориентированной на Запад, и такими мыслителями, как П.Я. Чаадаев² и Ф.М. Достоевский, не согласными с этой оценкой либералов, а наоборот, видящими в России духовный потенциал, позволяющий решить многие, даже европейские проблемы. Чаадаев и Достоевский в своих работах не просто выражали мнение, но создавали новую реальность, в которой Россия обладала особой духовной миссией. Их высказывания, согласно концепции Остина, можно классифицировать как перформативные. Они не столько описывали существующее положение в стране, сколько формировали новый взгляд на роль России в мире.

В одном из писем Тургеневу 1835 года Чаадаев выражает собственное видение особой роли России в мировой истории. Он пишет о том, что Провидение создало россиян «слишком великими, чтобы быть эгоистами», поставив их вне интересов отдельных национальностей и поручив им интересы всего человечества. Чаадаев утверждает: «Мы призваны обучить Европу множеству вещей, которых ей не понять без этого» (цит. по: [Зеньковский 1948, 177]). Он выражает уверенность относительно того, что наступит день, когда Россия станет «умственным средоточием Европы», видя в этом логичный результат «долгого одиночества» страны (цит. по: [Зеньковский 1948, 177]). В неоконченном произведении «Апология сумасшедшего» (1837) Чаадаев развивает свою мысль, утверждая, что россияне призваны «решить большую часть проблем социального порядка» и «ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество» [Чаадаев 1991, 534].

Достоевский в «Дневниках писателя» за 1880 год продолжает и углубляет идеи Чаадаева. Он отвергает возражения против тезиса о том, что «нищая земля наша, может быть, в конце концов, скажет новое слово миру». Писатель считает несостоятельным аргумент о необходимости предварительного экономического, научного и гражданского развития России перед тем, как она сможет претендовать на особую роль в мире. Достоевский утверждает, что русский народ обладает уникальным духовным единством: «Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть» [Достоевский 1995, 419–420]. На основании изложенного он отвергает характеристику России

² Следует отметить, что в ранний период Чаадаев был ближе к условному либеральному лагерю (условному, поскольку ряд характеристик «либерального» и «нелиберального» пересекаются).

как «неурядной» или «нищей». В противовес этому Достоевский рисует картину Европы, стоящей на грани глубокого кризиса: «...в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций – все подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков» [Достоевский 1995, 419–420]. Писатель выражает уверенность в том, что материальное богатство не спасет Европу от падения. Писатель призывает к самобытному развитию России, отвергая идею слепого копирования европейского устройства. Он ставит риторический вопрос: «Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе?» [Достоевский 1995, 419–420]

Это именно диалог и социальный, хотя оппоненты не названы в лицо и присутствуют виртуально, но подобная ситуация чаще всего и складывается в социальном общении. Интересен и вопрос о том, что собой представляют аргументы в таком диалоге. В данном случае они не являются научными, хотя и не менее убедительны в плане воздействия. Оба великих мыслителя обращаются к обыденному сознанию и чувству достоинства россиянина. Обращаются, создавая схему, погружающую читателя в новую реальность, в которой Россия возведена на большую духовную высоту. Участники этого диалога активно формируют новую социальную реальность через свои высказывания.

Трансформация под влиянием диалога и устойчивость к изменениям

Вместе с тем наблюдения показывают, что на одних участников социального диалога перформативные высказывания влияют, а на других – не влияют, они ко всем этим аргументам глухи. Рассмотрим в связи с изложенным выше два кейса: социальный диалог А.С. Пушкина с друзьями, заставивший великого поэта кардинально пересмотреть свою жизнь, и диалог М.И. Цветаевой с критиками ее образа жизни, не повлиявшими на нее.

Примерно до 30-х годов XIX века Пушкин придерживался образа не только первого в России поэта, но и отчасти циника, игрока в карты и кости, победителя женщин. Его друзья, особенно Чаадаев, оценивали второй аспект этого образа крайне негативно, призывали поэта измениться, в том числе считая, что Бог возложил на него социальную миссию – помочь России. В 1825–1826 годах в письмах к П.А. Вяземскому Пушкин демонстрирует циничное отношение к морали и жизненным ситуациям. Он без стеснения обсуждает личные проблемы и просит помощи в щекотливых ситуациях, признавая, что в некоторых

случаях приходится действовать вопреки совести (см., например: [Пушкин 1937, 137, 144–145]). Чаадаев, напротив, в обращениях к Пушкину всерьез обеспокоен поведением друга. Он призывает поэта осознать свое высокое призвание и использовать талант на благо России. Чаадаев убежден в том, что Пушкин может принести огромную пользу стране, и настойчиво просит его не изменять своему предназначению [Пушкин 1941, 44, 394].

На рубеже 20-х и 30-х годов XIX века, в том числе под влиянием этого диалога, Пушкин переживает духовный переворот и кардинально перестраивает собственную жизнь в направлении, указанном Чаадаевым. Я.А. Гордин пишет, что к 1831 году у Пушкина сформировалась четкая тактическая программа, направленная на ограничение самодержавия и бюрократической аристократии в пользу просвещенного родового дворянства [Гордин 1974, 46]. Для ее реализации поэт создает такие произведения, как «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева», работает над «Историей Петра». Причины изменения образа жизни и взглядов Пушкина сложно определить однозначно. Вероятно, это произошло под влиянием собственной рефлексии, социального диалога и жизненных обстоятельств [Розин 2009]. Трансформации сознания Пушкина способствовали, скорее, его творчество и поэтическое кредо, в которых он провозглашал принципы свободы, чести, любви к родине и людям. Эти идеалы неизбежно входили в противоречие с жизнью Александра Сергеевича, что, возможно, и стало побудительной силой изменений.

История М.И. Цветаевой представляет собой иной пример реакции на социальный диалог. В голодные 20-е годы XX века в Москве Цветаева, одержимая стремлением свободно заниматься творчеством, отдала собственных детей в кунцевский приют, заявив о том, что они не ее. Младшая дочь Ирина впоследствии заболела и умерла в трехлетнем возрасте в приюте, и мать не присутствовала на похоронах³. Этот эпизод из жизни поэтессы до сих пор вызывает бурные обсуждения среди интересующихся ее творчеством и личностью. Цветаева, отвечая на критику, занимала позицию, согласно которой, во-первых, она «не могла» поступить иначе; во-вторых, и это главное, великие поэты не подвластны мнению толпы и находятся вне общепринятых норм нравственности. В дневнике Цветаева признавалась, что никогда по-настоящему не любила Ирину, воспринимая ее как «существо без будущего». Она описывала свое отношение к смерти дочери

³ О жизни М.И. Цветаевой см.: *Кирьянова А.* Две души Марины Цветаевой // Проза.ру. 2006. – URL: <https://www.proza.ru/2006/08/10-105>.

как нереальное событие, объясняя свое отсутствие на похоронах не равнодушием, а неспособностью присутствовать: «Бог, видящий мое сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что не могла. <...> Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной непонятной сущности» [Цветаева 2002, 85].

В работе «Искусство при свете совести» Цветаева развивает идею о том, что художественное творчество требует «атрофии совести». Она утверждает, что это – «тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть» [Цветаева 2019, 48], а также рассматривает это как «исключение в пользу гения», считая, что искусство и гений находятся вне обычных нравственных законов. К тому же сравнивает состояние творчества с состоянием сновидения, в котором человек может совершать поступки, неприемлемые в обычной жизни. Цветаева настаивает на том, что эти поступки служат проявлением полной свободы, «поступок тебя без совести, тебя – природы» [Цветаева 2019, 60]. Она проводит параллель между поэтом и ребенком: «Часто сравнивают поэта с ребенком по примете одной невинности. Я бы сравнила их по примете одной безответственности. Безответственность во всем, кроме игры» [Цветаева 2019, 65]. Тем самым поэтесса подчеркивает свое убеждение в том, что творческая деятельность требует особого отношения к нравственным нормам и ответственности.

Цветаева отвергала обвинения в эгоизме и психической ненормальности. В отличие от Пушкина, она не пересматривала собственную жизнь под влиянием социального диалога. Причина этого прослеживается не только в ее самовосприятии как великого поэта, но и в особенностях ее личности [Розин 2012]. Цветаева отождествляла себя с гениями, прислушивалась в основном к себе, а не к окружающим, и не была способна изменить свою жизнь: пойти работать, уделить больше внимания детям за счет творчества или адаптироваться к советской действительности, в которую она в 1939 году вернулась из эмиграции.

Анализ исторических примеров из жизни и творчества Пушкина и Цветаевой направляет нас к гипотезе о том, что социальный диалог воздействует только на такую личность, для которой характерна определенная идентичность. Идентичность Пушкина включала в себя не только роль первого поэта России, но и глубокую связь с друзьями, в частности с Чаадаевым, и чувство ответственности перед Россией. В дневнике 1821 года Пушкин писал о Чаадаеве: «Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя» [Пушкин 1949, 303]. Эта многогранная идентичность создавала основу для внутреннего

конфликта между образом жизни молодого Пушкина и его более глубокими устремлениями, развития внутриличностного конфликта, что в итоге привело к трансформации. Идентичность Цветаевой, напротив, сосредоточена преимущественно на ее роли поэта и творца. Она отождествляла себя с гениями, которые, по ее мнению, стоят вне общепринятых норм морали. Такая идентичность была настолько сильной, что Цветаева не могла или не хотела прислушиваться к мнению окружающих, если оно противоречило ее самовосприятию. Критика ее поступков воспринималась не как повод для рефлексии, а как непонимание особой природы творческой личности.

Возвращаясь к примеру интернет-сообщества методологов, можно предположить следующее: их неспособность к продуктивному диалогу связана со стремлением отрицать то, что может нарушить согласованность того, с чем они себя идентифицируют. Для одной группы идентичность тесно связана с поддержкой государственной политики, Россию они воспринимают как империю. Для другой – развитие наследие Щедровицкого не связано с защитой интересов российского государства, и эти государственные интересы они не ассоциируют с империей. Изменение позиции в данном случае требует не просто пересмотра отдельных идей, а трансформации базовых основ самовосприятия и образа жизни.

Проведенный анализ подводит нас к важному выводу: эффективность социального диалога во многом зависит от структуры идентичности его участников. Трансформация личности происходит, если изменение взглядов позволяет разрешить внутренние противоречия, а не обостряет их, если новые установки могут быть интегрированы в комплекс ценностей, с которыми себя идентифицирует индивид.

Социальные условия реализации медиационных процессов

Анализируя проблему эффективности социального диалога, необходимо учитывать реальный характер социальности, в которой он происходит. Социальная среда может и способствовать трансформации сознания участников диалога, и препятствовать ей.

Показательным примером социальности, ориентированной на медиацию, может служить инаугурационная речь Дж. Байдена в 2021 году. В своем выступлении Байден сделал акцент на необходимости объединения американского общества. Он призвал соотечественников к борьбе с такими общими «врагами», как гнев, обида, ненависть, экстремизм, беззаконие, насилие, болезни, безработица и безнадежность. Байден особое внимание обратил на роль взаимного уважения и понимания между гражданами,

призвал к прекращению «негражданской войны» между различными социальными и политическими группами. Он обещал быть президентом для всех американцев, независимо от их политических предпочтений⁴.

Несмотря на эти призывы к единству и медиации, в действительности ситуация в американском обществе остается сложной. Страна по-прежнему разделена по многим линиям: сторонники Трампа противостоят сторонникам Байдена, республиканцы – демократам, истеблишмент – среднему классу, левые – правым, богатые – бедным, мигранты – коренному населению. Это противостояние демонстрирует то, что одной лишь риторической установки на медиацию недостаточно для достижения общественного согласия.

Данная ситуация подводит нас к гипотезе, в соответствии с которой становится очевидным, что для эффективности социального диалога требуются социальные условия, выходящие за рамки призывов к единству и взаимопониманию. Анализ индивидуальных факторов, влияющих на эффективность диалога, говорит о необходимости рассмотрения более широкого социального контекста. История предоставляет нам примеры обществ, в которых социальный диалог играл значительную роль в решении общественных проблем. Попытаемся определить в этом контексте, какое место занимал такой диалог в средневековой Европе.

В становлении средневековой социальности можно выделить два этапа. На первом этапе (примерно до X–XII веков) формировались основные средневековые «коллективы»: христиане, сообщества, связанные отношениями «сюзерен – вассал», королевская власть (часто описываемая принципом «первый среди равных») и горожане (ремесленники, купцы). На втором этапе начался процесс трансформации этих коллективов в более крупные социальные образования, которые в перспективе привели к формированию национальных государств, абсолютной власти и элементов капитализма [Розин 2019, 145]. В этот период, несмотря на существование различных социальных групп с разными интересами, сохранялось общее понимание принадлежности к христианскому миру. Это создавало основу для диалога между различными слоями общества.

Ключевую роль в организации социального диалога в средневековой Европе играла политика – практика обсуждения общих дел и коллективного принятия решений. Ее реализация происходила через такие институты, как «королевский совет», «парламент»,

⁴ Речь Джозефа Байдена на инаугурации // ТАСС. 2021. 20 января. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883>.

«генеральные штаты». Перечисленные институции включали в себя представителей различных сословий и специалистов, в том числе из университетов. В кризисных ситуациях голос короля уже не был решающим, он становился одним из участников общего обсуждения [Неретина 2012, 129]. Это создавало пространство для реального диалога и поиска компромиссов.

Другим важным фактором было развитие права. Конфликт между папством и светской властью привел к формированию канонического права, а затем и светского права. Например, Вормский конкордат 1122 года стал результатом компромисса между императором и папой, разграничив их полномочия [Берман 1998, 104].

Вызовы времени создавали ряд линий напряжения, необходимость разрешения которых становилась пусковым механизмом новых социальных процессов [Розин 2019, 145, 146, 148, 151]. Определению подобных «посылов» и формированию социальных процессов способствовали социальные диалоги. Приведенный материал из истории средневековой Европы, может показаться кому-то неактуальным сегодня, в ходе завершения модерна и становления «фьючекультуры». Однако есть и те, кто, как Н.А. Бердяев и У. Эко, полагают, что наступает «новое Средневековье».

* * *

Рассмотренные кейсы показывают, что для эффективного социального диалога необходимы институциональные условия: наличие общей культурной или идеологической основы, существование формальных площадок для диалога, участие в диалоге представителей различных социальных групп, развитая правовая система, обеспечивающая рамки для разрешения конфликтов, гибкость властных структур, готовность участников социального диалога к компромиссам и личностной трансформации. Многие из этих условий сегодня отсутствуют или ослаблены. Общая культурная основа часто размыта, формальные площадки для диалога не всегда эффективны, а правовые системы не всегда способны адекватно реагировать на новые вызовы.

Такая ситуация ставит перед нами ряд вопросов. Как в современных условиях создать социальные механизмы, способствующие эффективному диалогу? Возможно ли в эпоху глобализации и информационных технологий воссоздать условия, которые делали диалог продуктивным в прошлом? Учитывая, что мы живем в эпоху перемен и двойного перехода от модерна к «фьючекультуре», социальный диалог, с одной стороны, идет достаточно интенсивно, но с другой – проблематичен в плане эффективности. Поэтому нужно создавать условия для повышения эффективности диалогического общения, которое рано или поздно будет

востребовано обществом. Все эти вопросы, естественно, требуют дальнейшего исследования и обсуждения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

Берман 1998 – *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Инфра-М, Норма, 1998.

Гордин 1974 – *Гордин Я.А.* Годы борьбы: документальная повесть // Звезда. 1974. № 6. С. 20–85.

Достоевский 1995 – *Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. С. 416–424.

Зеньковский 1948 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. – Париж: YMCA Press, 1948.

Неретина 2012 – *Неретина С.С.* Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг. – М.: Голос, 2012.

Остин 1986 – *Остин Дж.Л.* Слово как действие / пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / под общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Пушкин 1937 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 13. Переписка. 1815–1827 / ред. Д.Д. Благой. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С.

Пушкин 1941 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 14. Переписка. 1828–1831 / общ. ред. Н.В. Измайлов. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

Пушкин 1949 – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 12. Критика. Автобиография / общ. ред. В.В. Гиппиус, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.

Розин 2009 – *Розин В.М.* Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // *Розин В.М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. – М.: Либроком, 2009. С. 108–127.

Розин 2012 – *Розин В.М.* Личность и трагедия Марины Цветаевой // *Филология: научные исследования.* 2012. № 2. С. 43–52.

Розин 2019 – *Розин В.М.* Становление и развитие европейской социальности: этюды-исследования. Кн. 1. Древний мир и Средние века. – М.: URSS, 2019.

Цветаева 2002 – *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. II: 1919–1939. – М.: Эллис Лак, 2001.

Цветаева 2019 – *Цветаева М.И.* Искусство при свете совести // *Цветаева М.И.* О литературе и искусстве. – М.: Юрайт, 2019. С. 42–68.

Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1 / отв. ред. З.А. Каменский. – М.: Наука, 1991. С. 523–538.

Юрчак 2022 – Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2022.

REFERENCES

Benhabib S. (2003) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era* (V.L. Inozemtsev, Ed. & Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Berman H.J. (1998) *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Infra-M; Norma (Russian translation).

Dostoevsky F.M. (1995) Explanatory Word Regarding the Speech on Pushkin Printed Below. In: Dostoevsky F.M. *Collected Works* (Vol. 14, pp. 416–424). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Chaadayev P.Ya. (1991) Apology of a Madman. In: Chaadayev P.Ya. *Complete Works and Selected Letters* (Vol. 1, pp. 523–538). Moscow: Nauka (in Russian).

Gordin Ya.A. (1974) Years of Struggle: A Documentary Story. *Zvezda*. No. 6, pp. 20–85 (in Russian).

Austin J.L. (1986) How to Do Things with Words (A.A. Mednikova, Trans.). In: B.Yu. Gorodetsky (Ed.) *New in Foreign Linguistics. Issue 17: Speech Act Theory* (pp. 22–129). Moscow: Progress (Russian translation).

Neretina S.S. (2012) *The Resurrection of Political Philosophy and Political Action. The Paris Uprising of 1356–1358*. Moscow: Golos (in Russian).

Pushkin A.S. (1937) *Complete Works. Vol. 13: Correspondence. 1815–1827*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1941) *Complete Works. Vol. 14: Correspondence. 1828–1831*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Pushkin A.S. (1949) *Complete Works. Vol. 12: Criticism. Autobiography*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House (in Russian).

Rozin V.M. (2009) Two Lives of Alexander Sergeyevich Pushkin. In: Rozin V.M. *Features of Discourse and Research Samples in the Humanities* (pp. 108–127). Moscow: Librokom (in Russian).

Rozin V.M. (2012) Marina Tsvetaeva's Personality and Tragedy. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 2, pp. 43–52 (in Russian).

Rozin V.M. (2019) *The Formation and Development of European Society: Research Studies. Book 1: Ancient World and Middle Ages*. Moscow: URSS (in Russian).

Tsvetaeva M.I. (2001) *Unpublished. Notebooks. Vol. 2: 1919–1939*. Moscow: Ellis Lak (in Russian).

Tsvetaeva M.I. (2019) Art in the Light of Conscience. In: Tsvetaeva M.I. *On Literature and Art* (pp. 42–68). Moscow: Yurayt (in Russian).

Yurchak A. (2022) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (Russian translation).

Zenkovsky V.V. (1948) *History of Russian Philosophy*. Paris: YMCA Press (in Russian).